

УДК 82

Мистификация как миромоделирующий прием в новеллистике Валерия Брюсова

Ларина Надежда Альбертовна

Кандидат культурологии, доцент,
Государственный социально-гуманитарный университет,
140411, Российская Федерация, Коломна, ул. Зеленая, 30;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена мистификациям Валерия Брюсова, нашедшим отражение как в его литературных опытах проникновения в психику женщины, так и в жизни. Приводится сравнение новелл «Мраморная головка» (1903), «За себя или за другую?» (1910) и опыта издания сборника «Стихи Нелли», написанного Брюсовым, но первоначально воспринятого как стихи, сочиненные женщиной по имени Нелли. Все три сюжета объединены в игру с условным названием «она – не она», в которой автор сам не дает окончательного ответа на загадку. Принцип литературной игры, мистификации, редупликации смыслов является одной из констант миромоделирования Валерия Брюсова. «Стихи Нелли» это не единственная попытка Брюсова выступить от имени женщины. Целый ряд его прозаических произведений написан с использованием авторской маски женщины, а в сборнике рассказов и повестей «Ночи и дни» (куда входит и новелла «За себя или за другую?») представлена повесть, стилизующая дневник женщины («Последние страницы из дневника женщины»). Бесконечное запутывание смыслов, многослойные авторские маски – мужчина пишет от лица женщины, мужчина пишет стихи женщине, однако выдает их за стихи, написанные женщиной, при этом манера написания выдает автора-мужчину – список можно продолжить. Своеобразная игра в прятки увлекала Валерия Брюсова и была одной из констант его художественного мира.

Для цитирования в научных исследованиях

Ларина Н.А. Мистификация как миромоделирующий прием в новеллистике Валерия Брюсова // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 273-281.

Ключевые слова

Символизм, новелла, мистификация, игра, Брюсов, Петровская, Львова.

Введение

Новеллы Валерия Брюсова поражают хронологическим и географическим разнообразием: автор пишет то об Италии времен Возрождения, то о гипотетическом будущем, в котором все управляется машинами, то обращается к легендам древней Финикии. При этом среди новелл можно выделить повторяющийся сюжет, который можно условно обозначить как игру-мистификацию «она – не она».

Она или не она: мистификации героинь новелл Брюсова

Этот повторяющийся сюжет стал основой новеллы «Мраморная головка» 1903 года и новеллы «За себя или за другую?» 1910 года. В обоих случаях автор так и не дает читателю окончательного ответа на вопрос «она или не она».

Типологическое сходство новелл прослеживается с завязки сюжета: в обоих случаях главным героем является мужчина, влюбленный в замужнюю женщину, добившийся ее благосклонности, затем бросивший ее и встретивший спустя много лет. «Мраморная головка» имеет подзаголовок «Рассказ бродяги», и по ее тексту с самого начала понятно, что герой опустил, докатился до бродяжничества и преступления (так как находится в тюрьме). Будучи молодым и благополучным, он полюбил некую Нину, затем без угрызений совести бросил ее: «Конечно, я первый бросил ее. Мне казалось это так естественно. Все мои товарищи поступали так же: заводили интригу с замужней женщиной и, по прошествии некоторого времени, бросали ее. Я только поступил, как все, и мне даже на ум не приходило, что мой поступок дурен. Украсть деньги, не заплатить долг, сделать донос – это дурно, но бросить любовницу – только в порядке вещей. Передо мной была блестящая будущность, и я не мог связывать себя какой-то романтической любовью. Мне было больно, очень больно, но я пересилил себя и даже видел подвиг в том, что решился перенести эту боль».

Через много лет герой видит свою возлюбленную в образе... статуэтки, мраморной головки, случайно попавшейся ему на глаза в кабинете богатых людей, куда его позвали отремонтировать замок в письменном столе. Возлюбленная Нина вернулась к нему итальянской статуэткой XV века, очень дорогой и изящной вещицей, которая, в итоге и стала причиной его преступления. Поражаясь тому, как художник мог передать черты возлюбленной за 500 лет до ее появления на свет, герой произносит фразу, превращающую

новеллу в неразгаданную загадку – «Одно меня смущает. Что, если Нины никогда не было, а мой бедный ум, ослабев от алкоголя, выдумал всю историю этой любви, когда я смотрел на мраморную головку?»).

Это последние слова текста, и автор оставляет читателю возможность трактовать сюжет двояко: либо Нина существовала, была поразительно похожа на некую девушку пятнадцатого столетия, а главный герой потерял свою единственную истинную любовь и жестоко поплатился за попытку вернуть ее – либо рассказ представляет собой запись пьяных откровений бродяги-алкоголика, который, подобно Пигмалиону, влюбился в мраморную статую (правда, не созданную им самим), а мозг услужливо придумал для него романтическую предысторию.

В новелле «За себя или за другую» герой, Петр Андреевич Басманов, встречает в швейцарском Интерлакене свою прежнюю возлюбленную – Елизавету Васильевну Свиблову. Сюжет прежней любви развивался абсолютно так же – герой встречался с замужней дамой и бросил ее первым: «Она, она, Елизавета, которой он не дал любить себя с той полнотой, как она того ждала, и которую сам он не посмел любить с той полнотой, с какой мог бы и желал бы! Она, лучшая часть его уже почти прожитой жизни, ожившая, живая, она – воплощенная возможность воскресить то, что было, дополнить его, исправить его».

Дама, которую Басманов встречает, тем не менее, реагирует на него как на незнакомца, впервые видит его и впервые слышит о нем, и достаточно убедительно общается с ним как с впервые встреченным ею человеком. При развитии знакомства выясняется, что ее зовут Екатерина Владимировна Садикова – то есть ее инициалы полностью совпадают с инициалами Елизаветы – Е.В.С. Впрочем, герой, уверенный, что перед ним Елизавета, не обращает на это внимания, сосредоточенный на том, чтобы дама, наконец, раскрыла свое инкогнито и перестала делать вид, что «она – не она». Отчасти ему это удастся: Екатерина Владимировна в определенный момент соглашается играть роль Елизаветы, и диалог еще больше запутывается: теперь Басманов сам не знает, кто перед ним. «Началась вторая игра, быть может, еще более жестокая, чем первая. Садикова называла себя Елизаветой и держала себя с Басмановым, как со старым знакомым. Когда он говорил о прошлом, она делала вид, что вспоминает лица и события. Когда он, весь дрожа, напоминал ей о любви к нему, она, смеясь, соглашалась, что любила его, но намекала, что с годами эта любовь погасла, как гаснет всякое пламя.

Чтобы добросовестно играть свою роль, Садикова сама заговаривала о событиях прошлого времени, но при этом путала годы, упоминала невпопад имена, выдумывала то, чего никогда не было. Особенно мучительно было то, что, говоря о любви своей к Басманову, она

изображала ее как легкое увлечение, как случайную забаву светской дамы. Это Басманову казалось оскорблением святости, и он, почти со стоном, просил Садикову в таких случаях замолчать».

В сущности, перед читателем оба раза разворачивается сюжет, обыгранный еще в «Евгении Онегине»: сперва она любит его, а он не любит ее, потом он осознает свою любовь к ней – но становится уже поздно. Как и в «Мраморной головке», рассказ обрывается на прямой речи – на сей раз не героя, а героини, оставившей Басманову письмо. Оно так и не дает ответа на вопрос, кто же вел с ним игру: Елизавета, спрятавшаяся под маской Екатерины, чтобы проучить своего возлюбленного, жестоко обошедшегося с ней, либо Екатерина, познакомившаяся с человеком, жестоко обошедшимся с ее «двойником», и проучившая героя во имя женской солидарности.

Фраза о похожести двух женщин как двух отражений в стоящих друг напротив друга зеркалах «Это – Елизавета, потому что не может быть двух женщин тождественных, как тождественны два отражения в двух смежных зеркалах!» – отсылка к более раннему рассказу «В зеркале. Из архива психиатра», описывающему переживания женщины, видящей своего двойника в зеркале – сначала героиня видит подчиняющееся ей отражение, затем мало-помалу сама превращается в безвольное отражение, подчиняющееся воле двойника по ту сторону стекла. Фактически, задана фабула рассказа «За себя или за другую», Екатерина сначала просто похожа на Елизавету, потом становится Елизаветой, потом уже ни автор, ни читатель не могут сказать, кто перед ними – Екатерина или Елизавета.

Впрочем, для проницательного читателя в рассказе рассыпаны намеки на то, что перед героем все-таки именно его возлюбленная, умело маскирующаяся под незнакомку. В самом начале женщина, «обратившая на себя его внимание, пятый или шестой раз прошла мимо его столика» – с чего бы вдруг незнакомой женщине пять-шесть раз дефилировать мимо мужчины, которого она якобы видит первый раз в жизни? Называя себя, она повторяет инициалы возлюбленной Басманова, хотя фамилия Елизаветы Васильевны – Свиблова – была названа далеко не при первом разговоре.

Впрочем, есть и авторский намек на то, что Садикова – это все же незнакомка, вступившая с героем в игру. Имена главных героев – Петр, Екатерина, Елизавета – отсылают к эпохе Петра I – дочь императора звали Елизавета, жену – Екатерина. При этом в российской истории порядок императриц был таков: Екатерина I – Елизавета – Екатерина II. В рассказе Брюсова Екатерина-первая (Садикова, незнакомка, впервые видящая Петра Басманова) превращается в Елизавету (в рамках ролевой игры с Басмановым), а затем уже в Екатерину-вторую (Садикову, мстящую за унижение Свибловой). Вторым намеком является написанная автором семью

годами ранее «Мраморная головка»: Нина никак не могла быть натурщицей для скульптуры XV века, следовательно, среди женщин есть двойники, идентичные по внешности типы. Они могут быть разнесены во времени между пятнадцатым и двадцатым столетием, но могут, вероятно, быть и современницами – и такого двойника посчастливилось встретить Басманову. Впрочем, и в «Мраморной головке» нет окончательного ответа на вопрос, привиделось ли все это старику в алкогольном бреде или Нина действительно была в его жизни.

Мистификация «она или не она» в жизни

Обе новеллы посвящены любви к женщине, одерживающей верх над мужчиной: в «Мраморной головке» случайно увиденная в старинной скульптуре «она» вынуждает героя совершить преступление, и он говорит: «не все ли равно, где я буду думать о Нине – в ночлежном доме или в тюрьме?». Иными словами, человек, бросивший Нину и не испытывавший по этому поводу ни малейших угрызений совести, в старости думает только о ней и ему совершенно все равно, где именно предаваться этим мыслям. В «За себя или за другую?» Петр Андреевич в конце получает от Екатерины-Елизаветы письмо, в котором говорится, что он «никогда не забудет этих мучительных недель в Интерлакене» [Брюсов, 1910].

Интересно, что сюжет «некогда брошенная женщина возвращается и начинает мучить мужчину» имеет некоторое согласование с жизнью самого Брюсова. В.Ф. Ходасевич пишет о Брюсове: «В эротике Брюсова есть глубокий трагизм, но не онтологический, как хотелось думать самому автору, а психологический: не любя и не чтя людей, он ни разу не полюбил ни одной из тех, с кем случалось ему «припадать на ложе». Женщины брюсовских стихов похожи одна на другую как две капли воды: это потому, что он ни одной не любил, не отличил, не узнал. Возможно, что он действительно чтит любовь. Но любовниц своих он не замечал» [Ходасевич, 2001, 109]. В воспоминаниях Ходасевича смерть Надежды Львовой прямо названа «брюсовским преступлением», вина за несчастья Нины Петровской тоже возлагается на Брюсова. При этом после смерти Львовой Брюсов посвятил ей пронзительные стихи «Я не был на твоей могиле...», в которых говорится о сильном чувстве и мучительном желании увидеться с любимой.

С именем Надежды Львовой связана и еще одна затеянная Брюсовым игра в «она – не она», уже в жизни: сборник «Стихи Нелли», написанный Брюсовым, но первоначально воспринятый как сборник стихотворений, написанных женщиной по имени Нелли. В рецензии на него В.Ф. Ходасевич пишет: «В книге Нелли немало красивых, и верных, и содержательных образов. Часто, читая ее, хочешь воскликнуть: «Да ведь это не хуже Брюсова!» Это, конечно, огромная

похвала для начинающего поэта: «Он пишет, как Брюсов». Но и большой укор, потому что ведь Нелли – не Брюсов. Уж если ты Нелли – будь Нелли...

Однако бесспорное и незаурядное дарование поэтессы позволяет нам ждать с уверенностью, что во второй своей книге она заговорит особенным языком, ей одной свойственным и доступным» [Ходасевич, 1913].

Впоследствии Ходасевич напишет, что сборник «Стихи Нелли» был посвящен Надежде Львовой – «Нелли» было ее интимное имя, употреблявшееся Брюсовым, а заголовок следует понимать в дательном, а не в родительном падеже – «Стихи, посвященные Нелли». Так или иначе, Брюсову удалось на некоторое время воплотить в жизни игру «она – не она», сотворив «двойника» Надежды Львовой – некую Нелли, поэта. Ирония была в том, что и сама Надежда Львова писала стихи – но куда ей было до блистательной Нелли-Брюсова. Брюсов сам предпочел создать ей блистательного фантома, двойника, вызвавшего интерес: «Из книг, вышедших этим летом, одна, безусловно, заставляет о себе говорить: я имею в виду небольшой сборник, всего из двадцати восьми пьес, изданный без подписи автора, под заглавием «Стихи Нелли» {Стихи Нелли. С посвящением Валерия Брюсова. К-во «Скорпион». М. 1913. Ц. 60 к.}. Поэт (мы условимся называть его Нелли) дебютирует, очевидно, своим сборником. Но в то же время (и это, пожалуй, всего примечательнее в стихах Нелли) он обнаруживает такое высокое мастерство стиха, какого нельзя было бы ожидать от дебютанта. Даже там, где автор отступает от просодического канона, в его строках чувствуется сильная и уверенная рука» [Ходасевич, 1913].

Заключение

«Стихи Нелли» это не единственная попытка Брюсова выступить от имени женщины. Целый ряд его прозаических произведений написан с использованием авторской маски женщины, а в сборнике рассказов и повестей «Ночи и дни» (куда входит и новелла «За себя или за другую?») представлена повесть, стилизующая дневник женщины («Последние страницы из дневника женщины»). Бесконечное запутывание смыслов, многослойные авторские маски – мужчина пишет от лица женщины, мужчина пишет стихи женщине, однако выдает их за стихи, написанные женщиной, при этом манера написания выдает автора-мужчину – список можно продолжить. Своеобразная игра в прятки увлекала Валерия Брюсова и была одной из констант его художественного мира.

Библиография

1. Воскресенская М.А. Историческое воззрение творцов Серебряного века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №75. С. 74-81.
2. Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. М.: Наука, 1989. 176 с.
3. Ильев С.П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 168 с.
4. Кихней Л.Г., Круглова Т.С. Коммуникативные стратегии Валерия Брюсова в поэтологическом диалоге с братьями про перу // Брюсовские чтения 2013 года. Ереван: Ереванский гос. ун-т им. В.Я. Брюсова, 2014. С.294-306.
5. Королева В.В. Множественный раскол личности в романе Брюсова «Огненный ангел» и «Эликсиры дьявола» Э.Т.А. Гофмана // Пушкинские чтения. 2015. №XX. С.83-92.
6. Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб: ТАЛАС, 2004. 400 с.
7. Мочульский К.В. Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов. М.: Республика, 1997. 478 с.
8. Муסיнова Н.Е. В.Я. Брюсов в поиске новых художественных форм // Известия Саратовского университета. 2010. №3. С.57-63.
9. Ходасевич В.Ф. Некрополь. СПб: Академический проект, 2001. 720 с.
10. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты. Томск: Водолей, 1998. 288 с.

**The mystification as a world modelling method in the short stories by Valeriy
Bryusov**

Nadezhda A. Larina

PhD in Cultural Science, Associate Professor,
State University of Humanities and Social Studies,
140411, 30 Zelenaya st., Kolomna, Russian Federation;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the mystifications of Valery Bryusov, which is reflected both in his literary experiences of penetrating the psyche of a woman, and in life. There is a comparison of the novels “The Marble Head” (1903), “For herself or for another?” (1910) and the experience of the publication of the collection of “Poems of Nellie” written by Bryusov, but initially perceived

as verses composed by a woman named Nellie. All three plots are combined into a game with the conditional name "she is not she", in which the author himself does not give a definitive answer to the riddle. The principle of literary play, mystification, reduplication of meanings is one of the constants of the world-modeling of Valery Bryusov. "Nelly's Poems" was not Bryusov's only attempt to speak on behalf of a woman. A number of his prose works are written using the author's mask of a woman, and in the collection of short stories and novellas "Nights and Days" which includes the short story "For herself or for another?", a novel stylizing the woman's diary. The endless confusion of meanings, multi-layered authorial masks, when a man writes on behalf of a woman, a man writes poetry to a woman, but gives them out for verses written by a woman, while the manner of writing gives out the author-man-the list can be continued. A peculiar game of hide and seek was fascinated by Valery Bryusov and was one of the constants of his artistic world.

For citation

Larina N.A. (2017) Mistifikatsiya kak miromodeliruyushchii priem v novellistike Valeriya Bryusova [The mystification as a world modelling method in the short stories by Valeriy Bryusov]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 273-281.

Keywords

Symbolism, short story, mystification, game, Bryusov, Petrovskaya, Lvova.

References

1. Ellis (Kobylin'skiy L.L.) (1998) *Russkie simvolisty* [The Russian symbolists]. Tomsk: Vodoley.
2. Ermilova E.V. (1989) *Teoriya i obraznyi mir russkogo simvolizma* [The theory and image world of Russian symbolism]. M.: Nauka Publ.
3. Iliyev S.P. (1991) *Russkiy simvolistskiy roman. Aspekty poetiki* [The Russian symbolist novel. The aspects of poetics] Kiev: Lybid Publ.
4. Kikhney L.G., Kruglova T.S. (2014) Kommunikativney strategii Valeriya Bryusova v poetologicheskom dialoge s sobratyami po peru [The communicative strategies of Valeriy Bryusov in the poetologic dialogue with his pen brothers]. In: *Bryusovskie chteniya* [The Bryusov's readings] 2013. Yerevan.
5. Khodasevich V.F. *Nekropol* [Necropolis]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ.
6. Koroleva V.V. (2015) Mnozhestvennyi raskol lichnosti v romane Bryusova «Ognennyi angel» i «Eliksiry d'yavola» E.T.A. Gofmana [Multiple division of personality in Bryusov's novel "The Fiery Angel" and "Elixirs of the Devil" by E.T. Hoffmann]. *Pushkinskie chteniya* [Pushkin readings], XX, pp. 83-92.

-
7. Lavrov A.V., Grechishkin S.S. (2004) *Simvolisty vblizi. Ocherki i publikatsii* [The symbolists at close. The essays and publications]. St. Petersburg.
 8. Mochulskiy K.V. (1997) *Aleksandr Blok, Andrey Belyi, Valeriy Bryusov*. Moscow: Respublica Publ.
 9. Musinova N.E. (2010) V.Ya. Bryusov v poiske novykh khudozhestvennykh form [Bryusov in search of new artistic forms]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Proc. of Saratov University], 3, pp. 57-63.
 10. Voskresenskaya M.A. (2008) Istoriosofskie vozzreniya tvortsov Serebryanogo veka [Historiosophical views of the creators of the Silver Age]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [Proc. of RSPU], 75, pp. 74-81.